

ГЛАВА 1

■

Мой самый близкий друг, лейтенант из убойного отдела, отказывается считать, сколько убийств ему довелось расследовать. Говорит, что, мол, ностальгия — для неудачников. По моим приблизительным прикидкам, получается сотни три.

Большая их часть — тошнотворная смесь трагического и обыденного.

Двое пьянчуг забивают друг друга до смерти под гиканье и улюлюканье стоящих вокруг одурманенных алкоголем свидетелей.

Случайный тычок ножом или ружейный выстрел ставит точку в домашней перебранке.

Сопляки, которым и брить-то еще нечего, хватаются за оружие — от древней мелкокалиберки до полуавтоматической винтовки военного образца — и палят из ржавых, ободранных малолитражек.

К моей двери Майло Стёрджиса приводят «другие».

Так, он ни разу не упомянул при мне Кэтрин Хеннепин, убийство которой квалифицировалось достаточно легко. И теперь стоял в моей гостиной в девять часов утра — в куртке-ветровке пыльного цвета и коричневых полиэстеровых брюках из другой эпохи, держа в лапи-

ще оливковый кейс. Бледный, с рябоватым лицом и черными безжизненными волосами, которым не помешала бы окантовка, он выглядел помятым и согбенным, как носорог, потерпевший неудачу в схватке с альфа-самцом.

— Доктор, — проворчал Майло. Это обращение обычно свидетельствовало, что он пребывает в настроении либо веселом, либо удрученном. Удобно.

— Доброе утро, — сказал я.

— Да, очевидно, так. — Майло устало потащился мимо меня в кухню. — Извини.

— За что?

— За то, что предлагаю стакан теплого, «засвеченного» пива. — Остановившись рядом с холодильником, лейтенант опустил на стул, щелкнул зубами и, по-прежнему избегая зрительного контакта, открыл свой зеленый кейс. На свет появилась синяя папка с кольцами, идентичная многим другим, которые я уже видел.

Судя по этикетке, дело Хеннепин К. Б. было открыто два месяца назад.

— Да, да, — подтвердил гость, отводя глаза. — Надоедать не стал, поскольку случай представлялся очевидным. И не жди от меня советов, — рявкнул он.

Он ждал. Я читал.

Кэтрин Белль Хеннепин, тридцати трех лет, работавшая счетоводом в семейной бухгалтерской фирме в Шерман-Оуксе, была обнаружена задушенной и заколотой в спальне своей квартиры в Западном Лос-Анджелесе. На фотографии крупным планом из водительского удостоверения я увидел женщину с тонким лицом, чистыми чертами, светло-каштановыми волосами до плеч, приятной улыбкой и веснушками, которые четко зафиксировала камера Департамента транспортных средств. Печальные глаза, подумал я, но это суждение уже было, возможно, предвзятым.

ЖЕРТВЫ

Понятно, почему Майло добавил фотографию: хотел, чтобы я воспринимал женщину как личность.

Хотел напомнить об этом и себе самому.

* * *

Вокруг странгуляционной борозды заметна розоватость и мелкие капли крови, но пролилось и разбрызгалось ее намного меньше, чем можно ожидать при тридцати шести колотых ранах, и это дало основание предположить, что убийца сначала задушил жертву и только потом пустил в ход холодное оружие.

Несколько капель крови и затоптанный участок коврового покрытия свидетельствовали о том, что нападение произошло в коридоре, возле кухни, после чего Кэтрин Хеннепин втащила в спальню. Преступник бросил ее на двойной матрас, лицом вверх и головой на подушку. Жертву нашли полностью накрытой одеялом, взятым из бельевого шкафа.

Поза, избранная убийцей для женщины — руки прижаты к телу, ноги вместе — как бы предполагала спокойный отдых, если, конечно, не принимать во внимание запекшуюся кровь. Ничего явно сексуального в положении тела не было, и вскрытие показало отсутствие признаков изнасилования. Как обычно, Майло и детектив Шон Бинчи самым тщательным образом осмотрели квартиру, но улики, которые указывали бы на кражу со взломом, не нашли.

Пустой паз в блоке для кухонных ножей соответствовал самому тяжелому в наборе, разделочному. Размеры этого высококачественного германского изделия совпали с представленным коронером описанием орудия убийства. Тщательный обыск квартиры Кэтрин Хеннепин и ближайших мусорных контейнеров положительного результата не дал. Ничего, кроме разочарования, не принес и опрос жителей — в основном представителей среднего

класса — тихого квартала, где жертва снимала квартиру последние два года.

Что касается отпечатков пальцев и крови, то все эти следы вели к Кэтрин Хеннепин, и никому другому. Отсутствие чужой крови стало еще одним разочарованием; пользующиеся ножом убийцы, особенно если они переходят грань необходимого, часто роняют скользкие от крови орудия и ранят себя. Несмотря на очевидное безумие нападавшего, ошибки он не допустил.

Я перевернул страницу и обнаружил новую серию фотографий.

В обеденном уголке кухни стоял накрытый на двоих стол: пара салатов, которые, как потом было установлено, заправили оливковым маслом и уксусом, тарелки с жаренным на гриле филе лосося, плов и молодая стручковая фасоль. Справа от небольшой вазы с цветами — открытая бутылка «Пино нуар» и два бокала с пятью унциями вина в каждом.

Все на месте этого преступления — отсутствие улик, подтверждающих взлом, кражу и изнасилование, очевидная исступленность посмертной атаки, укрытие жертвы одеялом, использование оказавшегося под рукой орудия — позволяло предположить, что жертва хорошо знала убийцу, находившегося под влиянием неконтролируемой ярости.

В ходе разговора с работодателями Кэтрин Хеннепин, пожилой парой бухгалтеров, Морин и Ральфом Гросс, Майло узнал о весьма бурных отношениях убитой с неким Дариусом Клеффером, шеф-поваром.

Человеком, прекрасно владеющим ножами.

Я продолжил чтение.

Гроссы характеризовали Кэтрин такими словами, как «милая», «красивая» и «застенчивая». Дариуса Клеффера Гросс назвал «чертовым маньяком». Морин с мужем согласилась. Дважды повар «врывался» в офис и «кричал на

ЖЕРТВЫ

бедняжку Кэтрин». В первый раз он подчинился требованиям Гроссов и вышел из офиса. Во второй не послушался и кружил возле Кэтрин, пытаясь убедить ее уйти вместе с ним. Гроссы вызвали полицию, но «безумец» удалился еще до прибытия черно-белых.

Согласно собранной информации, Клеффера дважды арестовывали за избиение приятелей-собутыльников в голливудских клубах; в обоих случаях обвинения были впоследствии сняты. Его психологическая неустойчивость, обед на двоих, определенно приготовленный профессионалом, и тот факт, что Клеффер жил неподалеку, в Северном Голливуде, вроде бы благополучно решали расследование, и я понимал, почему Майло не сомневался в быстром завершении дела.

Лейтенант отправился на квартиру Клеффера, но оказалось, что повар не живет там уже три месяца, а нового адреса не оставил. Поиски продолжались неделю, но обнаружить его не удалось, и Майло еще более укрепился во мнении, что вышел на преступника.

Все ясно.

Оказалось, что нет.

Я поднялся и налил себе третью чашку кофе. Первые две были выпиты в половине седьмого утра с Робин, перед тем как она забрала нашу собаку в студию и взялась вырезать гитарный гриф. Предложил я чашечку и Майло.

— Нет, спасибо.

— С чего бы вдруг такое самоограничение, старина?

— У католиков самоограничение — врожденная черта.

Искушение достойно по крайней мере попытки.

— А самый большой грех...

— Неудача.

— По Хеннепин я пришел бы к такому же заключению.

— Может быть.

— Я анализирую факты так же, как и ты.

Детектив не ответил.

— Можешь упрекать себя сколько угодно, но, по моему, Клеффер подходит идеально.

— Да вот только не подходит.

Я указал на синюю папку.

— Здесь нет ничего, что объясняло бы, почему ты его вычеркнул.

— Не успел бумажки написать. — Его улыбка была печальнее слез. — О'кей, подведу итог. Исповедь всегда благо для души и все такое. Я ищу повара повсюду — без шансов, а потом его имя выскакивает желтой полоской на карте «Гугл». Там он в пилотной серии телепроекта под названием «Мегашеф», который так и не вышел на экраны. В этой серии Клеффер был членом команды какого-то китайского кулинарного гения с мишленовской звездой¹.

Съемки проходили на Нижнем Манхэттене, и к тому времени Клеффер уже несколько месяцев жил в Нью-Йорке. Данных о том, что он вылетал оттуда, не нашлось ни в одной авиакомпании; то же относилось и к компаниям, сдающим в аренду автомобили. Дариус мог, конечно, воспользоваться машиной друга, но свидетельств тому я тоже не обнаружил. Можно было бы рассмотреть также вариант с «Амтраком» и покупкой железнодорожного билета за наличные, но в течение пяти дней до убийства и трех дней после него Клеффер точно находился в городе, что подтверждалось показаниями нескольких человек. При этом ночевал он в отеле, куда поселили участников проекта, и трое из них, не испытывавших симпатии к своему товарищу, единогласно дали показания в его пользу. То же самое сделали продюсеры сериала и все прочие, с кем я имел дело. Таким образом, алиби Клеффера подтверждалось целой армией свидетелей.

— Ты разговаривал с самим Клеффером? — спросил я.

¹ То есть рекомендованного в авторитетном ресторанном рейтинге компании «Мишлен».

ЖЕРТВЫ

— Пытался, но мне никто не перезвонил. Знаю, это странно — у человека убивают подружку, а ему как будто и дела нет. И тем не менее он не тот, кто мне нужен, разве что ты придумаешь, как изменить законы физики.

— А нет ли у Клеффера дружков, которые могли бы оказать ему здесь, в Лос-Анджелесе, такую вот услугу?

— Я думал об этом, но пока никого, кто взялся бы за такое дело, не видно. Другом Клеффера никто себя не называл. Популярностью он определенно не пользовался.

— Малоприятный тип, профессионально владеющий ножом... Тебе часто случалось видеть тридцать шесть колотых ран и чтобы нож ни разу не выскользнул из пальцев?

— Знаю, знаю. Еще прозрения?

— Даже если убийца не Клеффер, место преступления заслуживает изучения.

— Кто-то еще из ее знакомых.

— С кем она планировала пообедать. Может быть, сама и готовила?

— Никаких свидетельств готовки в квартире не найдено, но, конечно, их могли убрать. Так ты думаешь, она питала слабость к поварам и после Клеффера ей попался другой кулинар-психопат?

— Или один из тех типов, которым нравится производить впечатление на женщин демонстрацией поварских талантов. Если в жизни Кэтрин появился новый мужчина, это объясняет, почему Клеффер являлся к ней на работу раздраженным и с претензиями.

— Загадочный бойфренд? Я много разговаривал с соседями, и все они утверждают, что видели только Клеффера. Мы с Бинчи отработали там на совесть, а ты знаешь, Шон и пылинки не пропустит. Никаких указаний на тайный роман мы не нашли.

— А когда Кэтрин в последний раз общалась с Клеффером? По телефону или посредством электронной почты?

— Задолго до убийства. В Нью-Йорк он перебрался шесть месяцев назад, а разговаривать они перестали еще раньше. В ее переписке ничего особенного нет. Писала она в основном своим работодателям и на деловые темы, причем зачастую уже вечером. Прилежная девушка, и они действительно искренне ее любили. В остальном общалась только с семьей. Там и тон другой, легкий и веселый, — поздравления по случаю дней рождения, юбилеев, повседневные мелочи. Родом Кэтрин из Южной Дакоты, там у нее большая семья — родители, бабушки и дедушки, прабабушка, племянницы и племянники. Их оттуда целая команда приезжала — занимались похоронами и встречались со мной. И вот стою я, передо мной целая комната хорошо одетых, приличных людей, а мне и сказать им нечего. Причем слушают вежливо, и мне от этого только еще поганее.

Лейтенант поднял руку и с силой обрушил кулак на стол, но в последний момент удержался от контакта и лишь поболтал пальцами в миллиметре от столешницы.

— Если тайного бойфренда нет, то, может быть, ты и прав, и Кэтрин убил какой-то приятель Клеффера. — Лейтенант поднялся. — О'кей, спасибо за кофе.

— Ты ж его не тронул.

— Важно, что мысль в голову постучалась. — Он покружил по комнате и вернулся. — Как тебе предположение, что вся сцена с обедом была подготовлена посмертно? Что-то вроде отвратительной шутки больного ума...

Я задумался.

— Возможно. Почему бы и нет? Если Клеффер заключил контракт на убийство, постановочный обед мог быть чем-то вроде его фирменной печати.

— Я для тебя готовил, ты меня отшила, а теперь сама кусок мяса.

— Умеешь ты подобрать слова...

ЖЕРТВЫ

Майло потер ладонью лицо, словно умылся без воды, прошел к кофеварке, налил в чашку, попробовал и выплеснул содержимое в раковину.

— Кофе в порядке, извини; это желудок бунтует.

— И во сколько молитв тебе обойдется такое расточительство?

— Запиши на мой счет. Как Робин?

Вопрос прозвучал как дань вежливости. Так говорит ребенок, обученный произносить правильные слова.

— У нее все хорошо.

— Дворняга?

— Прелесть. Как обычно. Как дела у Рика?

— Терпит мой несносный характер с тех пор, как я взялся за дело Хеннепин. — Лейтенант убрал папку в зеленый кейс и, выйдя из кухни, задержался у двери. — Мне бы раньше прийти. Что помешало, сам не знаю.

— От меня толку оказалось мало.

— Может быть, если б ты побывал на месте преступления...

— Сомневаюсь.

— Смотри сам. Пока.

— Надеюсь, подвижки будут.

* * *

Подвижек не было.

Две недели спустя лейтенант позвонил и сообщил, что расследование официально отложено, никого и ничего, что связало бы Дариуса Клеффера с убийством Кэтрин, не обнаружено, и других подозреваемых не появилось.

Никаких известий от него не было еще двадцать дней, а когда он наконец позвонил, голос его звенел от адреналина.

— Что, есть подвижки по Хеннепин?

— Новое дело, амиго. И на этот раз ты завязан с самого начала.